

Научная статья

УДК 101.1

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.4.4>

Массовое и индивидуальное в имидже науки: акценты репрезентации академического дискурса

Александр Иванович Панюков

Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана, Москва, Россия,
apanukov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0277-4299>

Аннотация. Статья посвящена некоторым аспектам соотношения массового и индивидуального в репрезентации современной науки. Приводятся позиции отдельных известных в культурно-историческом академическом пространстве деятелей относительно массового и индивидуального в имидже науки. Выделяются образующие тенденции в оформлении содержательных положений образа отечественной науки. В качестве специфической его черты называется массовый характер. Кроме того, отмечается особенность репрезентации индивидуального характера научного творчества. Акцентируется внимание на роли наукометрических показателей как квинтэссенции интерпретации качества научного творчества. Приводятся примеры, определяющие наукометрическую значимость исследований, с одной стороны, и нивелирующие содержательные аспекты научного творчества – с другой. Отмечается, что современные деятели науки регулярно вынуждены выбирать между погружением в исследование интересующей их проблемы научного знания и демонстрацией условных результатов своей деятельности общественности при помощи обозначения ее соответствия всевозможным «псевдонаучным» показателям, определяющим многие аспекты жизнедеятельности ученого. Автор заключает, что предпринятый им исторический экскурс демонстрирует необходимость внимания современных исследователей к поиску новых смыслов в научной деятельности.

Ключевые слова: наука, массовая наука, философия, индивидуальность в науке, репрезентация, академический дискурс, имидж науки, наукометрия, наукометрические показатели

Для цитирования: Панюков А.И. Массовое и индивидуальное в имидже науки: акценты репрезентации академического дискурса // Общество: философия, история, культура. 2022. № 4. С. 35–39. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.4.4>.

Original article

Mass and individual in the image of science: emphasis on the representation of academic discourse

Alexander I. Panyukov

Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russia,
apanukov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0277-4299>

Abstract. The article examines certain aspects concerning correlations between the mass and the individual in the portrayal of modern science. The positions of some well-known figures in the cultural and historical academic space regarding the mass and individual in the image of science are given. The forming tendencies in the design of the substantive provisions of the image of Russian science are highlighted. As a specific feature, it is described as being of a mass nature. Emphasis is placed on the role of scientometric indicators as the quintessential interpretation of the quality of scientific creation. Examples are given that determine the scientometric significance of research, on the one hand, and leveling the substantive aspects of scientific creativity, on the other. It is noted that modern scientists are regularly forced to choose between immersing themselves in the study of the problem of scientific knowledge that interests them and demonstrating the conditional results of their activities to the public by indicating its compliance with all kinds of “pseudoscientific” indicators that determine many aspects of a scientist's life. The author concludes that the historical excursus he has undertaken demonstrates the need for modern scholars to pay attention to the search for new meanings in scientific activity.

Keywords: science, mass science, philosophy, individuality in science, representation, academic discourse, scientometric indicators, science image

For citation: Panyukov, A.I. (2022) Mass and individual in the image of science: emphasis on the representation of academic discourse. *Society: Philosophy, History, Culture*. (4), 35–39. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.4.4](https://doi.org/10.24158/fik.2022.4.4) (In Russian).

Проблема массового характера современной науки продолжает оставаться актуальной для современной академической рефлексивной практики (Лебедев, 2021). В контексте этой проблемы достаточно четко определяется один из ракурсов интерпретации – соотношение массового и индивидуального в репрезентации науки как сферы деятельности. Имидж современной науки предполагает в качестве обязательной квалификационной характеристики массовость, доступность для широкого круга субъектов.

Одним из первых деятелей, внесших существенный вклад в создание имиджа науки как массовой и доступной широкому кругу лиц, стал Н.И. Бухарин, сделавший акцент на соотношении философии и науки. Можно согласиться с тезисом, что метафизический разрыв философии и науки невозможно преодолеть. «Мифология – мировоззрение первобытного строя, религия – мировоззрение феодального строя, философия – мировоззрение буржуазного строя, наука – мировоззрение современного мира», – утверждал Н.И. Бухарин на чрезвычайной сессии Академии наук СССР в докладе «Борьба двух миров и задачи науки» (Бухарин, 1988). Ученый сделал вывод, что фабричная организация науки все же предполагает индивидуальный стиль – облик. Это образ работника-ученого, но также продукт промышленного производства (Бухарин, 1988: 9–10). Комплектацией и подготовкой этого продукта занимается имиджология. Можно утверждать, что Н.И. Бухарин был первым в СССР и России, кто стал профессионально заниматься проблемами научной коммуникации, он был первым отечественным имиджеологом науки. Наука на тот момент превращалась в промышленное производство, а результаты научного исследования представляли собой продукты промышленного производства, а это означало, что науке уже требуется реклама, научной школе – бренд, научному продукту – привлекательная упаковка, а самому производителю – актуальная репутация. Коммунистическая идеология усложняла ситуацию регламентирующими предписаниями и руководящими указаниями, но партийные функционеры, безусловно, понимали, что научный продукт имеет уникальную ценность.

Своеобразной иллюстрацией соотношений массового и индивидуального в сфере академического дискурса можно считать интерпретации взаимосвязи науки и философии. Наука обслуживает идеологию, философия неспособна к таким головокружительным метаморфозам. Как и религия, она должна оставить человека в покое. Эта старая позитивистская мечта обосновывалась известной мыслью К. Маркса. В «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс цитировали Мозиса Гесса, который полагал, что «нужно оставить философию в стороне, нужно выпрыгнуть из нее и в качестве обыкновенного человека взяться за изучение действительности». От себя К. Маркс и Ф. Энгельс добавили: «Философия и изучение действительности относятся друг к другу, как онанизм и половая любовь» (Маркс, Энгельс, 1988).

Конечно, термин «имиджология» вошел в научный обиход позднее – в последней четверти XX века, но репутационное содержание науки всегда было предметом острых дискуссий как до Великой Отечественной войны, так и в период борьбы с «безродными космополитами» (На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: философия и мировоззрение ..., 1990). В советское время все эти многочисленные споры характеризовались идеологическим содержанием. Советские руководители неоднократно высказывались о роли передовых ученых в цивилизационном развитии, но кто они – передовые ученые? Возможно, это орденосцы и лауреаты премий, такие как профессор О.Б. Лепешинская и народный академик Т.Д. Лысенко; или, может быть, это сэр Исаак Ньютон, Альберт Эйнштейн, математик Бертран Рассел? Нужны были качественные и количественные характеристики, необходимые для описания передовой науки. Замечательный публицист и историк науки В.А. Сафронов в книге «Первооткрыватели» (1952) писал следующее: «В прежние времена гении науки оставались обычно одиночками, самое большое (случай уже не вполне обычный) – создавались научные школы (замечательные школы в русском естествознании). Но никогда не могло зайти и речи о народности, о массовости науки. Это принципиально новое качество нашей науки...»¹.

Важнейшая характеристика советской науки – ее массовый характер. В XX веке наука уходит от персонификации, она становится народной, то есть массовой. Все, что предшествовало этому уходу, признается ошибкой. Республика ученых эпохи Ренессанса – всего лишь забавный анекдот. Средневековый университет, который иногда, как балаган, перемещался по всей Европе, – исторический казус. «Мягкая» наука XIX века – бег на месте. Массовость научной мысли определяется и новой формой научной коммуникации, которая как бы перестает быть научной, она теряет профессиональную компетенцию.

Репрезентация науки становится в лучшем случае популярным (от слова «популизм») пересказом ее истории. Достаточно вспомнить книгу профессора О.Б. Лепешинской «У истоков жизни». Книга прекрасная, но, к сожалению, никакого отношения к науке она не имеет. Ольга

¹ Сафронов В.А. Первооткрыватели : рассказы. М., 1952. 382 с

Борисовна Лепешинская – старая большевичка, доктор медицинских наук, безусловно, передовой ученый, но то, что она говорит, то, что она пишет, с трудом можно считать наукой. Это даже не лженаука и не псевдонаука, это что-то качественно другое, что в принципе с трудом поддается разумному анализу (Лепешинская, 1953).

Нужно отметить, что массовая наука и сегодня занимает передовые рубежи, а массовые ученые успешно участвуют в научном процессе. Введение наукометрии только усилило их позиции и прибавило активности. Одновременно формируется виртуальный образ ученого. Профессиональная коммуникация дает новые имиджевые возможности. В 1947 году в самом начале борьбы с безродными космополитами в прокат вышел прекрасный фильм Григория Александрова «Весна». Главная героиня фильма – профессор Ирина Петровна Никитина, директор «Института Солнца». Передовой ученый в музыкальном фильме, фактически в оперетте (музыка Исаака Дунаевского) – это еще новость для советских людей. Имиджевые ресурсы здесь действительно грандиозны. Они настолько эффективны, что ученый становится таким же популярным героем дня, как футболист или капитан дальнего плавания. Ученый просто прекрасен. Ирину Петровну Никитину играет Любовь Орлова, она еще молода и формирует будущее. Но проблема заключалась в том, что в профессиональное пространство научной коммуникации внедряется совершенно постороннее событие – оперетта. И если О.Б. Лепешинская – все же действительно старая большевичка (член партии с 1898 года, близкая знакомая В.И. Ленина), то И.П. Никитина – несуществующий директор несуществующего института. Фикция и мистификация становятся реальностью научной коммуникации.

Конечно, в 1935 году М. Палани и Н.И. Бухарин говорили о профессионализации научной коммуникации. Они мечтали (если можно так выразиться) об особой корпорации ученых, члены которой «не корыстны, а бескорыстны, не славны, а бесславны», они, подобно Григорию Сквороде, «полюбовницей имеют только науку» (в случае с Григорием Сквородой речь шла о Библии).

К сожалению, идея научной корпорации не была реализована. Отсутствие профессионализма и активное влияние внешних факторов на пространство науки и научной коммуникации не позволили ученому стать «рыцарем». И если судьба Майкла Полани была вполне благополучна, то Н.И. Бухарин был лишен звания академика и расстрелян. Генеральный прокурор СССР А.Я. Вышинский (ректор МГУ в 1923–1928 гг.) 11 марта 1938 года на утреннем судебном заседании процесса по делу бухаринско-троцкистского блока сказал: «Литературно-философские упражнения Бухарина – это ширма, за которой он пытается укрыться от своего разоблачения. Философия и шпионаж, философия и вредительство, философия и диверсии, философия и убийства – как гений и злодейство – две вещи несовместимые. Я не знаю других примеров, – это первый в истории пример того, как шпион и убийца орудует философией, как толченым стеклом, чтобы запорошить своей жертве глаза перед тем, как разозжить ей голову разбойничьим кистенем»¹.

В 1940 году в СССР вышло второе и дополненное издание «Краткого философского словаря». Книга представляет собой замечательное творение советской философии образца победившего социализма. В словаре есть инструктивная статья «Наука», которая по ряду соображений является идеологически принципиальной. В частности, в этой статье наука определяется как один из видов идеологической деятельности². В целом, это верно, но абсолютизация идеологической функции науки, которая произошла в глобальном формате в 1940–50 гг., привела мировую науку к системному краху. Она перестала быть наукой и превратилась в собрание идеологов и имиджологов. Устанавливается жесткий контроль партийных функционеров и бюрократов-чиновников над научной мыслью и деятельностью ученых. Сегодня этот контроль осуществляется менеджерами-имиджологами при помощи социометрических регламентов всех рангов и категорий.

В третьем издании «Краткого философского словаря» (1952) составителями вводится новая характеристика отечественной науки, которая уже так или иначе обсуждалась в нашем тексте, – наука должна быть народной³.

История показала, что всякая народность и массовость науки ведет к ее неминуемой профанации. Борьба с так называемой распыленностью и кустарщиной, анархией и стихийностью, индивидуализмом и разобщенностью в научной работе способствует появлению специального аппарата контроля и управления. Наука из свободного творчества и искусства сводится к социометрическим показателям, а лекции и семинары как способы передачи знаний становятся набором презентаций. Когда магистр Петербургского университета В.С. Соловьев читал лекции в Соляном городке (10 марта 1878 года на его лекцию приехал Л.Н. Толстой), то коммуникация научного пространства не предполагала ничего, кроме философской и педагогической квалификации

¹ Процесс Бухарина. 1938 г. : сборник документов. М., 2013. С. 589.

² Краткий философский словарь. М., 1940. 326 с.

³ Краткий философский словарь. М., 1952. С. 318–320.

лектора. Нужна ли лекционному материалу Владимира Сергеевича имиджологическая обработка? И если нужна, то зачем? Что нужно магистру Соловьеву уточнить и что нужно «пересобрать» в лекционном материале? Между прочим, Л.Н. Толстой покинул лекцию. Вот его рассказ о том, как это было: «...Он (Соловьев) ... обвел глазами аудиторию, устремил взгляд куда-то горе и пошел читать, как пошел читать, как пошел... через каждые два – три слова по двух- и трехэтажному немецкому термину, которые почему-то считаются необходимыми для настоящей философии, просто ничего не понять... читал он это, читал, а потом дошел до каких-то ангельских чинов и стал их всех перечислять – по-поповски – херувимы, серафимы, всякие престолы и разные прочие чины, положительно не знаю, откуда он их набрал и точно всех их видел сам. Глупо как-то. Я так и не мог дослушать лекции...»¹. Судя по тексту письма Л.Н. Толстого, лекция не удалась – наверное, потому что не было презентации, а может быть, способ коммуникации, который выбрал лектор, оказался неэффективным. Между прочим, философская система В.С. Соловьева – пока единственная актуальная система отечественной философии.

В отечественной научной коммуникации есть еще один любопытный сюжет. В 1834–1835 учебном году Н.В. Гоголь, будучи адъюнктом кафедры всеобщей истории Петербургского университета, читал для студентов 2-го курса филологического отделения университета «Историю Средних веков». Студент этого отделения И.С. Тургенев так описывал лекции Николая Васильевича: «Я был одним из слушателей в 1835 году, когда он преподавал историю в Санкт-Петербургском университете. Это преподавание, правду сказать, происходило оригинальным образом. Во-первых, Гоголь из трех лекций непременно пропускал две, во-вторых, даже когда он появлялся на кафедре, – он не говорил, а шептал что-то несвязное, показывал нам маленькие гравюры на стали, изображавшие виды Палестины и других восточных стран, – и все время ужасно конфузился. Мы все были убеждены (и едва ли мы ошибались), что он ничего не смыслит в истории, и что г. Гоголь-Яновский, наш профессор (он так именовался в расписании лекций), не имеет ничего общего с писателем Гоголем, уже известным нам как автор “Вечеров на хуторе близ Диканьки”»².

Эти большие, но необходимые цитаты являются классической иллюстрацией имиджа и брендинга в науке. Вместе с тем, по гамбургскому счету, за последние двести лет в университетской практике ничего не изменилось: современные технологии, в том числе брендинг, тренинги и многочисленные курсы повышения квалификации, мало эффективны для синтеза, но безусловно актуальны для анализа. Если бы адъюнкт Гоголь-Яновский прошел курсы повышения квалификации, например, современного тьюторства, возможно, оценка студента Тургенева была бы более лояльной и толерантной, но не случилось (Философия без окраин ..., 2008).

Целью настоящей статьи был анализ возможностей соотношения массового и индивидуального в репрезентации современного научного знания. Обращение к различным интерпретациям такого соотношения в дискурсе известных представителей науки и общественно-политических деятелей позволяет выделить весьма узнаваемые для современного академического дискурса аспекты, которые свидетельствуют о том, что наукометрические показатели весьма многомерно и неоднозначно коррелируют с содержательными достижениями в контексте современной научной практики. Многим субъектам академической сферы в зависимости от направления их научных интересов, а также специфики деятельности знакома ситуация, когда приходится делать выбор между основательным погружением в исследуемую проблематику и весьма энергозатратными поисками способов репрезентации результатов исследований, а также необходимостью соответствовать всевозможным «псевдонаучным» показателям, от количественных и качественных особенностей которых зависят многие аспекты жизнедеятельности ученого. Небольшой исторический экскурс, проделанный нами в настоящей статье в области различных акцентов репрезентации содержания академического дискурса, может стать основанием для актуализации новых смыслов и выбора аутентичных для исследователя способов деятельности.

Список источников:

- Бухарин Н.И. Этюды. М., 1988. 360 с.
Лебедев С.А. Философия науки. Позитивно-диалектическая концепция. М., 2021. 448 с.
<https://doi.org/10.31085/9785392335824-2021-448>
Лепешинская О.Б. У истоков жизни. М., 1953. 102 с.
Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. М., 1988. 574 с.
На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: философия и мировоззрение. М., 1990. 528 с.
Философия без окраин. Красноярск, 2008. 153 с.

¹ Малая советская энциклопедия : в 10 т. М., 1930. Т. 5. С. 349–350.

² Тургенев И.С. Литературные и житейские воспоминания. М. ; П., 1923. 148 с.

References:

- Bukharin, N. I. (1988) *Etyudy [Essays]*. Moscow. 360 p. (in Russian).
Filosofiya bez okrain [Philosophy Without Margins] (2008). Krasnoyarsk. 153 p. (in Russian).
Lebedev, S. A. (2021) *Filosofiya nauki. Pozitivno-dialekticheskaya kontseptsiya [Philosophy of Science. Positive-Dialectical Concept]*. Moscow. 448 p. Available from: doi:10.31085/9785392335824-2021-448 (in Russian).
Lepeshinskaya, O. B. (1953) *U istokov zhizni [At the Origins of Life]*. Moscow. 102 p. (in Russian).
Marks, K. & Engel's, F. (1988) *Nemetskaya ideologiya [German Ideology]*. Moscow. 574 p. (in Russian).
Na perelome. Filosofskie diskussii 20-kh godov: filosofiya i mirovozzrenie [At the Break. Philosophical Discussions of the 20s: Philosophy and Worldview] (1990). Moscow. 528 p. (in Russian).

Информация об авторе

А.И. Панюков – доктор философских наук, профессор Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана, Москва, Россия.

Information about the author

A.I. Panyukov – D.Phil. in Philosophy, Professor, Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 15.03.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 06.04.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 12.04.2022.